

Глава 5. Пешка на краю доски

Брайан продолжал тихо и незаметно проживать в семейном пансионате, достаточно удаленном от столицы для того, чтобы волнения большого города докатывались до него в ослабленном виде, но недостаточно далеко для того, чтобы они при этом теряли свою иллюстративность. Не пропуская ни одного факта и сообщения, он складывал в разделе Трой поступавшую ему информацию о будоражащих население событиях, а также о некоторых скрытых процессах, которые им сопутствовали. С каждым днем картина вирусного влияния, изначально представлявшая собой нечеткий пунктирный набросок, дополнялась новыми штрихами, становясь четче, обретая новые детали и расцветиваясь новыми красками.

Самая значительная часть информации поступала из новостных агентств. Первая их половина пастельными нотками благодущия пыталась заретушировать абсурд происходящего, в то время как другая грубыми импрессионистскими мазками сенсационной чепухи старалась возбудить у читателей ажиотаж апокалипсиса. Каждый подход находил свою аудиторию – одним требовалось найти утешение и обещание “лучших времен”, в то время, как другие ждали Судного Дня, приветствуя любые намеки на его приближение. Эта новостная эклектика служила Брайану той фактологической канвой, поверх которой он уже наносил строгие конструктивистские формы, извлекаемые им из информативных отчетов Стиана и Тэда, с целью сгруппировать явления по тому или иному характеру, объединить их по категориям или установить подоплеку. Далее он, по возможности, заполнял оставшиеся лакуны связующими виньетками собственных комментариев или соображений, возникших по ходу интерпретации данных, и, уже в самом конце, полученная картина украшалась забавными фрагментами той лубочной реакции, которую доходящие до пансионата волны паники вызывали у его жильцов.

За эти дни Брайан не раз успел пожалеть о том, что лишен возможности публиковаться в научных журналах. Его подмывало набросать материал с заголовком вроде: “Дистрибуция страхов в обществе: трансформация содержания и усиление иррациональности формы выражения фобии по мере удаления от эпицентра события”.

Первыми о волнениях узнали хозяева пансионата, что, впрочем, было предсказуемо – сами жильцы старались не волновать себя ничем, кроме сводок погоды и финансовых деталей скандалов разводящихся звезд. Однажды утром Брайан увидел, как с полдюжины пансионатных старичков, чьи согбенные фигуры выравнивались корсетами туго затянутых стеганых жилетов, собрались в кружок и жарко дискутируют, распространяя вокруг шепелявое жужжание гнилого, забытого пасечником улья. В центре собрания находился хозяин пансионата – чрезвычайно взволнованный, он пытался им что-то объяснить, полагаясь в большей степени на судорожную жестикуляцию и постинсультную мимику, чем на связность и внятность собственного вербатима.

Повинуясь чутью, Брайан подошел ближе и присоединился к группе слушателей.

– Повторяю вам, мистер Йоханссон, достаточно просто посмотреть на эту страничку – и вы уже больше не вы, – горячился рассказчик. – Я недавно ездил за продуктами – дорога забита выезжающими из города! Жена говорит: “Опять пандемия, наверное. Пошли, закупимся масками...” Зашли в аптеку, разговорились там с одной семьей... Все гораздо хуже, чем говорят по телевизору! Мы сперва им не поверили, но вот газеты, которые они нам дали... Нет, вы читайте сами. Я теперь боюсь к ним прикасаться.

– Если это правда, – прошамкал один из слушателей, видимо, уже успевший ознакомиться с прессой, – значит, комми таки нашли способ пролезть к нам в мозги... После Второй мировой мы все поняли, чем это закончится! Трумэн – вы знаете, какой это голова – говорил...

– Да нет, читайте, здесь же пишут прямо, – скрипуче возразил старичок-испанец: – Правительство пытается бороться с этой заразой, вон и министр выступает... Это не политики затеяли, вся эта дрянь лезет из интернета... Из этих их... сайтов.

– А почему тогда не через телевизор? – парировал читатель газеты.

– Ну подумайте, Симпсон – это же телевизор! Мы его уже смотрим полвека, какие в нем могут быть вирусы? – с авторитетным апломбом успокоил его испанец.

– Ага, я теперь понимаю! – раздраженно вступил в диалог главный аналитик, пожилой немец, лишившийся сегодня похода по пивным барам из-за несварения желудка у супруги. – Я теперь отлично понимаю, зачем им нужен был этот интернет! Они не смогли нас оболванить через телевизор, и поэтому придумали эту свою сеть!

После короткого обсуждения, окружающие нашли эту мысль гениальной.

– Ну, если это так, – воскликнул хозяин, которому реакция аудитории помогла наконец-то запугать самого себя до состояния, требующего разрядки в каком-нибудь поступке, – я вам официально заявляю, что отключусь от этого вашего интернета, чтобы не допустить эти тексты в мой дом! Мы с женой всегда дорожили покоем жильцов, у нас все уважаемые люди, и я не хочу, чтобы о пансионате пошла слава, будто в нем зомбируют людей! Никогда...

Брайан понял, чем дело зашло слишком далеко, и решил вмешаться.

– Я вас уверяю, что как раз после отключения интернета вы попадете под подозрение, – негромко произнес он, приняв многозначительное выражение лица и доверительно наклонившись к хозяину пансионата. – Это считается одним из симптомов, потому, что те, кто ознакомился с опасным текстом, боятся любой информации. Я бы на вашем месте ни в коем случае не показывал, что вы испуганы, так как в противном случае репутации заведения будет нанесен непоправимый ущерб. Не отключайтесь от интернета и телевидения, просто сами не пользуйтесь сетью и не смотрите телевизор. И никто не узнает, что вас что-то напугало, – после этих слов Брайан еще больше понизил голос и почти шепотом добавил. – А я никому не скажу о том, что вы распространяете прессу *оттуда*.

Хозяин пансионата, раскрыв глаза, несколько секунд смотрел на Брайана, не мигая и переваривая услышанное. Наконец финальная часть реплики дошла до его сознания, распределившись по немногим пропущенным атеросклерозом извилинам – он выдохнул, и робким голосом, в котором никто бы не узнал его самого минуту назад, спросил:

– Вы в этом уверены? – но прозвучало это уже как просьба: “вы обещаете никому не говорить?”.

Брайан медленно кивнул головой, не отрывая взгляда от его глаз.

Хозяин в ответ судорожно вздохнул, затем крепко пожал Брайану руку и, схватив в охапку принесенные газеты, скрылся в своем кабинете.

– Спасибо! – донесся из-за угла его слабый голос.

Стеганные жилеты, скрипя штиблетами, направились во двор, унося с собой тему для дискуссий, которой им должно было хватить на час или даже два.

Отстояв свои конституционные права, Брайан допил кофе и вышел прогуляться в ближайший поселок. Там он, бродя между провинциальными продуктовыми лавками и мало отличающимися от них культурными заведениями, присматривался к окружающим и прислушивался к тому, о чем они говорили. Как он и думал, новости уже распространились и стали темой дня. Пансионат оказался едва ли не последним, кого настигла эта информационная волна.

Возле автомойки скопилось несколько запыленных машин, явно проехавших не один десяток километров – в ожидании своей очереди водители что-то обсуждали, собравшись в пеструю кучу.

Неподалеку прогуливались пассажиры автофургонов, трейлеров и семейных седанов – судя по всему, семьи беженцев.

Брайан зигзагом подобрался к собранию, выдавая себя за празднующего провинциала. Судя по разговорам, это были уехавшие из города топ-менеджеры, программисты, финансисты и пара зубных врачей. Каждый из них решил переждать смутные времена “подалеже от эпидемии”. Дантисты со знанием дела употребляли этот оборот, будучи твердо уверенными в том, что ареал первых зафиксированных случаев чтения текста имеет четкие географические очертания. Программисты, пытавшиеся им возражать и апеллировавшие ко вседоступности интернета, были униженно высмеяны – в первую очередь потому, что само их присутствие здесь свидетельствовало о том, что они не верят в собственные слова. После этого дискуссия переключилась на обсуждение глупости и обреченности тех, кто остался в столице. Пока водители перемывали кости ближним, к одному из них подошла супруга и пожаловалась на ребенка, который не подчинился её требованию выключить свой телефон и отдать ей. Испуганный отец отправился с ней, подошла чья-то очередь на мойку, и группа рассеялась.

Солнце было уже достаточно высоко, его лучи интенсивно возвращали в атмосферу влагу, которую впитала почва после ночного дождя – становилось душновато. Брайан завернул в ближайшее заведение с кондиционером – это оказался зал игровых автоматов, который делил помещение с сосисочной, распивочной и, судя по колоритной фигуре, свернувшейся в углу, чьей-то спальней. Там, заказав хот-дог с колодой, он пристроился поближе к столику, за которым беседовали двое молодых людей. Одежда и говор выдавали в них местных жителей.

Один из них сделал глоток, вытер толстые губы волосатой ладонью и сказал:

– Короче... найди насос и проверь лодку – она у тебя в том сезоне травила. А утром к шести подрейдай к нам. Я бухло уже загрузил...

– Кого еще берем? – спросил его товарищ, рыжий и в веснушках, большая часть которых походила на брызги автомобильного масла.

– Ещё двоих можно, шоб места свободного не было, – ответил первый, – я детей оставлю теще, так что можно взять Стива и эту его чиксу – когда халява, они всегда на хвост падают.

Рыжий кивнул, затем, словно что-то вспомнив, сделал неопределенный жест:

– Кстати, я сам еду. Ну, или эту Розу с кольцом в носу захвачу, если она в кафешке подмену себе найдет.

– А чо с Лиззи?

– Да ну ее в задницу... – рыжий стукнул недопитой банкой пива по столешнице, хмуро наблюдая за тем, как из отверстия подскочила шапочка пены и упала ему на руку. – Вчера вещи забрала и свалила.

– Чего это? Ты же, вроде, не бухал...

– Да если б... – рыжий поскущел, затем почесал редкую бороду и ответил: – Все из-за этого... типа вируса... ну, о котором все пишут.

– Чо?! Тоже начиталась, и крыша поехала? – воскликнул товарищ и уставился на него.

– Она – читала? – хмыкнул тот. – Да она в магазине на ценниках только цифры понимает...

– Так что случилось?

– Ну, я вчера сидел у компа, кликал по ссылкам, гляжу – кто-то этот текст выложил. Ну, думаю, гляну, что там за фигня...

– Ты чо, его – прочел?! – чуть не поперхнулся обладатель толстых губ.

– Да там читать нечего – мура на две страницы, – фыркнул рыжий, – про девку какую-то рассказ, как она по мужикам ходила... Чисто бабская романтика: ни секса, ни смысла. Сам не понял, чего вокруг него столько шума развели. Короче – развод, порожняк...

– Да там же гипноз!.. – засомневался приятель.

– Хероз, а не гипноз! – воскликнул тот. – Ты меня за лоха держишь? Я ж не слепой! Прочитал – и что? Ноль на массу, только время перевел, лучше б в телик повтыкал. Короче, дочитал до конца, тут как раз бутылка закончилась, лег спать. Утром проснулся, говорю ей: не верь этим журналюгам, они нам всем лапшу на уши вешают. Из-за их писанины все нормальные люди берега попутали... Прикинь, говорю, завтра какой-то хер напишет, что солнце из-под земли светит – так мне, значит, после этих его слов – жалюзи всем перевешивать?! Ты только прикинь, сколько это вызовов от клиентов пойдет! Уроды, блин... А она мне такая: ты-то хоть чего бухтишь?

Товарищ хлебнул пива и спросил:

– И ты ей рассказал?

– Ну да, откуда ж я знал, что она психанет! – и рыжий в отчаянии сплюнул на пол. – Говорю ей, что прочел, ни хрена там нет интересного... Тут вижу, что она жопу свою в штаны запихивает – куда-то намылилась, ну я сказал ей, чтоб пиццы купила, а сам в гараж пошел. А через полчаса от нее сообщение: “Отдай мои вещи курьеру, я у мамы. Не пиши мне, ты в блоке”... Манда тупая.

Его товарищ не стал спорить с итоговым выводом, ограничившись задумчивым наблюдением за тем, как рыжий, задрвав кверху бороду, шумно глотает пиво. Затем перевел взгляд на пустую банку, которую продолжал держать в руках, и медленно сжал ее, прислушиваясь к хрусту алюминия.

– Да, кстати, я тут вспомнил кое-что, – сказал он, отводя глаза: – Завтра ж суббота... Теща не сможет с детьми остаться. Так что давай, наверное, перенесем. Как-нибудь в следующий раз. А лодкой ты займись на всякий случай...

Брайан почувствовал, что достаточно прохладился, расплатился и направился к выходу.

Через полчаса он был в пансионате, в своей комнате. Интернет работал, за стенкой смотрели очередное телешоу. Устроившись поудобнее на диване, он первым делом открыл почту.

Пауэлл делился успехами, которые в основном сводились к вероятностному портрету автора троянца. В конце письма он благодарил за идею, которой Брайан поделился с ним пару дней назад. Методичный и скрупулезный Тэд сперва аккуратно процитировал слова Брайана: *“На мой взгляд, при анализе текста нет смысла заострять внимание на дейктивных категориях, они неуместны при разборе онтологических утверждений. Причины объяснять нет ни времени, ни желания – просто считайте это моим убеждением”*, а ниже добавил свой комментарий: *“Предложение было принято, хотя некоторая аргументация отнюдь не была бы лишней, учитывая то, сколько здесь тугодумов с наследием структурализма. Апеллировал к тому, что это позволит сэкономить время, которое сейчас – главный фактор. Сработало, несмотря на то, что онтологический аспект у нас не в фаворе – чем дальше, тем ближе определение нашей цели к конкретике, похоже, заказчик желает получить конечный результат в области психологии и регуляции поведенческих шаблонов.”*

Брайана это нисколько не удивило, он кивнул головой и закрыл почту. Действительно, Стиан был прав, когда говорил, что Брайан находится в выгодном положении – его не связывали ни регламент, ни выхолощенные формулировки проблемы, исходящие от заказчика. Он мог позволить себе не игнорировать онтологический аспект, который явно прослеживался в большинстве отзывов прочитавших текст. Брайан вспомнил разговор в кафе, при котором он только что присутствовал: в сущности, – подумал он, – если бы кто-то попросил этих парней своими словами выразить идею манипуляцией реальностью при помощи текста, они бы использовали те же самые обороты.

Что касается персоны самого автора текста, она не представляла для Брайана никакого интереса. Пусть ею занимается Илион, их интерес можно понять, учитывая хозяев, которые стоят за их спинами. “В конце концов, – наивно думал он, – чем больше они занимаются этим автором, тем меньше времени у них останется для слежки за мной”.

Что же касается этих тезисов о связи между онтологией и языком... Самое удивительное, что идея-то не нова, Брайан был уверен, что уже встречал что-то подобное... В собственной статье, довольно старой и ничем не примечательной, написанной для какого-то журнала с небольшим тиражом. Он порылся в архивах и без труда нашел этот текст.

“По мере эволюционирования когнитивного аппарата высших животных, их язык постепенно обогащался дополнительным функционалом: выполняя сперва сигнальную и коммуникативную роль, он впоследствии включал в себя все больше регулятивных и манипулятивных функций. Это значило, что язык уже не просто выступает инструментом структурирования ментальных моделей по впечатлениям, полученным извне, но также проецирует их обратно – в окружающую среду, выстраивая взаимоотношения с ней в предположении, что реальность на самом деле определена этими моделями. Чем дальше эволюционировала рефлексивная деятельность, чем сильнее развивался язык, который обслуживал её и развивался на её материале, тем большую значимость принимали внутренние модели и тем более успешным было подчинение им окружающего мира.

Постепенно, в ходе десятков тысяч лет эволюции человечества, в этом инструменте обмена информацией с соплеменниками и механизме отражения окружающего мира во внутреннем мире репрезентаций осуществилось смещение функциональных акцентов – на доминирующую роль стали претендовать приемы активного структурирования окружающего мира, установление “категорий” и пропагандирование их использования для определения феноменов внешнего мира, а также для идентификации агентами языка самих себя. Обмен информацией с окружающими принял на себя задачу навязывания им собственных когнитивных моделей и концептуальных систем.”

Прочитав это, Брайан подумал, что в статье очень многое осталось недосказанным. Сейчас он не остановился бы на этих словах, добавив следующее: *“То же самое следует сказать и о рефлексивной функции языка, роль которой переоценивают когнитивные лингвисты. Язык не занимается “отражением” какой-то “изначально заданной объективной реальности” во внутренний мир репрезентаций, вместо этого он выстраивает эту реальность из безграничного конвенционального материала, из наших внутренних концептов, усвоенных нами как в ходе миллионлетнего развития млекопитающих, так и в процессе десятков тысяч лет эволюции человеческого знания.”*

Он работал до самого рассвета, сделав один короткий перерыв на трапезу, пришедшуюся почти на полночь, после чего вернулся к компьютеру и не отрывался от него до тех пор, пока первые лучи солнца не начали буравить жалюзи. Затем он еще раз проверил почту, погасил свет и лег спать.

На следующий день стояла великолепная погода – опять прошел небольшой дождик, унесший вчерашнюю духоту и освеживший цветущую природу. По небу медленно расползались перистые облака, обнажая голубое солнечное небо. Проснувшись достаточно поздно, Брайан уже не мог претендовать на лучшие места в соседнем сквере – все были оккупированы жильцами пансионата и празднующими, прибывшими из предместья. Захватив в ресторане сладостей к чаю, он выбрался в патио, в глубине которого не без труда отыскал последний свободный столик. За ним Брайан и расположился, развалившись в кресле в позе дремлющего сибарита – наибольшим образом соответствующей всему этому заведению. Впрочем, сейчас эта поза была вполне органична и для него самого – он никогда не умел заниматься работой по утрам, предпочитая первую половину дня предаваться праздной лени.

Брайан сидел, расслабившись и полуприкрыв глаза, невольно прислушиваясь к доносящимся до него обрывкам бесед. Наверное, здесь можно было найти представителей всех социальных слоев, составляющих костяк любого общества. Чаще всего вокруг него звучала уверенная речь среднего

класса: спокойная и обстоятельная, когда его представители ощущали признание окружающими их самодостаточности, но способная в любое мгновение превратиться в истерично-грубую и агрессивную – едва им начинало казаться, что кто-то или что-то посягает на их статус, на их права или освященное собственной ограниченностью достоинство.

Их степенный разговор перемежался резкими окриками мещан, периодически одергивавших своих непослушных детей, ничуть при этом не стесняясь их поведения, а, наоборот, как бы даже гордясь перед окружающими любыми их поступками, сколь бы дикими они ни были. За спиной Брайана, на параллельной тропинке, двое неизвестных, не ограничивая себя в выражениях и не утруждаясь разнообразием прилагательных, обсуждали проблемы замены масла в моторе грузовика – их идиомы и обороты были крайне заурядны и не заинтересовали бы даже специалистов по аргументации. В эти звуки время от времени вплетались обрывки реплик двух интеллигентов, сидевших за соседним столиком – судя по всему, преподавателей рядовых университетов, приехавших сюда на какой-то симпозиум светил провинциальной науки. Их уважительная и размеренная речь напоминала социальные поглаживания двух равных по рангу приматов, встретившихся на лужайке тропического леса, под кронами банановых пальм.

Слушая их, Брайан поймал себя на ощущении, что у всех этих людей, весьма различающихся по уровню образования, достатку и культуре, в речи есть что-то общее – что-то такое, что полностью нивелирует всю разницу в их лексиконе, образности, эрудированности, связности и логичности изложения собственных мыслей. Он не понимал, откуда взялось это ощущение, не мог дать ему четкого определения, не был даже уверен, что оно правильное – однако чувствовал его в течение всей вынужденной дегустации этого винегрета дискурсов.

Попытка разобраться в этом ощущении переключила его на мысли о троянце. Эффект, оказываемый им на все категории читателей, был поразительно универсальным и, по сути, инвариантным всем тем различиям, которые он только что наблюдал у окружающих. Различались лишь формы и образы, в которых он выражался. Похоже, что для понимания его механизма следует абстрагироваться от поверхностных различий, которые считаются неотъемлемой атрибутикой любого текста, речи, дискурса... Быть может, какой-то из языковых уровней: фонемы, слова, предложения, если не все сразу – содержит в себе дополнительный семантический слой, ускользающий от того взгляда, с которым мы привыкли рассматривать текст? Если так, то каков должен быть механизм, связывающий эти элементы в одну структуру, которая никогда до этого не обнаруживала себя, и которая проявилась в троянце в виде скрытого сообщения? Если верить отчетам Стиана и Тэда, их мат-лингвисты уже пытались штурмовать троянца с этого направления – безрезультатно.

Брайан рассеянно подобрал с подноса одну из шоколадных конфет и развернул обертку, продолжая при этом лениво следить за собственными рассуждениями: поверхностная семантика текста не может дать ничего – она выполняет в троянце роль обертки, фантика для завлечения. Да и сам объем троянца недостаточно велик, а текст – слишком однороден, для того, чтобы в него можно было вплести дополнительный нарратив, используя привычные методы... “Если исключить общую зависимость обоих смысловых пластов от формы, то можно утверждать, что внутреннее, скрытое содержание совершенно не конгруэнтно внешнему, эксплицитному.” – как гласили самые первые отчеты. Это должно быть что-то очень простое и элементарное, ему не обязательно быть принципиально новым каналом... Проблема лишь в том, что мы его не видим... Или видим, но не можем *распознать*... Если ты не знаешь, на что смотришь, оно будет просто ускользать от обнаружения, как фигура животного, вписанная в пейзаж на картинке-загадке, как изображение на фантике, искаженном до неузнаваемости из-за плотного облепания им шоколадной конфеты...

Порыв ветра подхватил с подноса один из фантиков и понес его мимо столиков с отдыхающими. За ярким лоскутком бумаги тут же увязался чей-то терьер – весело таявкая, он пару раз попытался

поймать его в воздухе, и, когда она коснулась травы, набросился на него и с торжествующим видом слопал.

– Жоржон, фу! – раздались крики. – Выплюнь, Жоржон!

– Ничего, он и это переварит! – донесся женский голос, вероятно, хозяйки собаки.

Сзади засмеялись.

Брайан смотрел на эту сцену невидящими глазами, испытывая смутное ощущение, что у него появляется что-то, похожее не гипотезу. Если фантик можно переварить и разложить на ничтожно малые части... настолько крохотные, что они, распавшись, перестанут составлять первоначальную картину, но сохранят при этом свое микро-содержание и структурную последовательность... если затем усвоить их...

Брайан инстинктивно обхватил свой затылок ладонью левой руки, словно не давая ускользнуть и рассыпаться смутным, едва наметившимся мыслям (от этой смешной привычки он не мог избавиться еще с молодости), затем скомкал бумажку от шоколадки, которую вертел последние несколько минут, и понял – да, именно! Концепты. Кто-то из когнитивистов разрабатывал тему влияния доконцептуального опыта на развитие сознания... Эта идея могла стать рабочей гипотезой. Семантические элементы текста троянца не способны являться фундаментом формирования его скрытого смысла – “кирпичики” этого смысла расположены ниже, в концептах, усвоенных носителем языка задолго до появления у него речи. И даже эти концепты, которые формируют прототипы наших категорий, скорее всего, не являются последними элементами в иерархии, потому, что сами они также могут состоять из субконцептов более глубокой абстракции, которых еще сложнее вычленишь... Чем более привычны и фундаментальны сущности и понятия, которыми мы руководствуемся, формируя собственную онтологию реальности, тем более тонкие и “древние” концепты в них задействованы... То, что мы их не осознаем, не означает их отсутствия, не отменяет их конструктивного функционала и комплексного характера. Привычное использование языка структурирует реальность, при этом использование общего набора базовых концептов позволяет поддерживать единую онтологическую парадигму, нарушить которую практически невозможно. Однако её можно расширить, если допустить, что сами эти концепты имеют составной характер. Язык создает маркеры взаимодействия с неозначенной реальностью, находя смысл и определяя такие объекты, которые ему позволяет определить его концептуальная система, лежащая в основе этого языка...

– Прошу прощения, – кто-то тронул Брайана за плечо.

Он обернулся и увидел рядом с собой служителя пансионата. В паре метров позади него топталась семья из трех человек – плюс-пять-сайзов мамаша, девочка лет десяти, полная ее копия, и сверкающий плешью муж, чья сетчатая рубашка четко определяла социальную принадлежность всего семейства.

– Неудобно вас тревожить, – произнес извиняющимся тоном служитель, – но у нас закончились свободные столики, а вы один здесь... Не могли бы вы пересесть к этому джентльмену? Я надеюсь, это вас не очень беспокоит, поверьте, у нас просто нет другого места.

Брайан посмотрел на мамашу – в ее глазах светилась уверенность в том, что его столик она намерена занять в любом случае – какое бы беспокойство у него, Брайана, это ни вызвало. Затем обернулся направо – действительно, рядом за двухместным столиком сидел одинокий постоялец пансионата, перед которым лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Брайан хорошо знал его – это был сосед сверху, проживавший прямо над его комнатой – судя по манере держаться, какой-то отставной военный.

– Вы не возражаете? – обратился к нему служитель.

– Пожалуйста, – сказал тот, оторвавшись от доски, и вежливо кивнул головой, – прошу.

Брайан перебрался на другое место и поздоровался с соседом. В ответ тот с улыбкой указал глазами на фигуры. Было ясно, что Брайану здесь не избежать – либо игры, либо беседы. Шахматы Брайан терпеть не мог, поэтому предпочел второе.

– Спасибо, – он улыбнулся и отрицательно покачал головой. – Не моя игра.

Возле столика возник тот самый служитель и поставил два дымящихся кофе:

– Приятного аппетита, – и исчез.

Пожилой джентльмен обаятельно улыбнулся, пододвинул к себе чашку и спросил:

– Почему? Не любите проигрывать? Или играть?

Брайан потянулся за своей чашкой, затем откинулся на спинку и посмотрел на клетки доски.

– Скорее не люблю дихотомию: или черные, или белые.

– Ха! – воскликнул джентльмен и покачал головой. – Такой ответ слышать еще не приходилось.

Он внимательно посмотрел на Брайана и пригубил напиток. Что-то в его поведении настораживало Брайана, но что именно – он еще не мог определить. Это было ощущение, которое не пугало, но приковывало внимание к его источнику, будоража потребность разобраться в его причине.

– Честно говоря, я тоже не большой поклонник этой игры, – сказал собеседник, – но требования мимикрии, в сущности, сводятся к тому, что мы вынуждены демонстрировать нефункциональные и зачастую даже обременительные атрибуты... Кофе здесь хороший, иначе я бы его не заказал. Прошу вас, попробуйте.

Брайан решил повременить с этим предложением. Не потому, что его горло не нуждалось в глотке, а потому, что боялся выдать волнение, если возьмет чашку дрожащей рукой. До него внезапно дошло, что ни этот шахматист, одиноко живущий в своем номере и знакомый Брайану лишь по встречам на лестнице, ни появившееся вдруг семейство, которому потребовался именно его столик – случайными не были.

– Зовите меня Борис. Ваше имя, господин Брайан, мне известно, – произнес шахматист и, видя выражение лица Брайана, тут же добавил: – Я просто хочу побеседовать с вами. Здесь, в тени этого клена. К тем, о ком вы сейчас думаете, я не имею никакого отношения.

И спокойным тоном, в нескольких лаконичных и явно привычных для него фразах он раскрыл перед Брайаном свои карты. Он не шахматист-любитель, скорее он профессионал игры живыми фигурами. Он действительно работает на спецслужбы, но его страна находится на другом континенте. Он сотрудник ФСБ.

– Это значит, – пояснил он, видя, что Брайан испытывает затруднение с расшифровкой аббревиатуры, – что я работаю на Россию.

Брови Брайана поднялись. Впрочем, спокойная манера, с которой Борис представил себя, сработала – кофе уже можно было пить. Он взял чашку и убедился, что заварено оно отменно. “Странно, – подумал он, – это тоже спецзаказ?” Сделав глоток и убедившись, что горло уже не пересохшее, он кашлянул и спросил:

– Почему вашей стране вдруг потребовалась моя персона?

Борис поставил чашку и сделал странный жест – его кисть чуть поднялась, ладонь раскрылась, а затем сжалась в кулак.

– Мистер Брайан, дело в том, что ваша персона потребовалась совсем другим людям...

– Ну да, – перебил его Брайан, – это не секрет уже ни для кого. Вот только я никак не думал, что ваши спецслужбы вдруг стали работать вместе с нашими...

Борис обаятельно улыбнулся, интеллигентно прощая собеседнику это перебивание.

– Отнюдь нет, – покачал он головой. – Мы никогда не работали вместе, и вряд ли когда-либо будем. Вами интересуются люди совсем из иного государства. И то, что мы сейчас с вами беседуем так

открыто – это вынужденная мера. У нас не было в планах так спешно раскрывать перед вами своего агента. То есть, меня.

– Вот как?! – воскликнул Брайан, теперь уже окончательно заинтригованный. – Интересно – кому же я еще успел насолить? А главное – когда?

– О, нет, это совсем не связано с теми вашими работами, из-за которых у вас возникли недоразумения с правительством. Кстати, к ним мы еще обязательно вернемся. Пока речь о другом. По нашей информации – к которой, кстати, я вам рекомендую отнестись с максимальной серьезностью – за вами охотятся спецслужбы Китая. Причины – этот текст, который недавно разошелся по вашему интернету.

Брайан ожидал чего угодно, но только не такого поворота событий. Совершенно забывшись, он пробормотал:

– Китай заинтересовал этот троянец?!

Борис чуть не подпрыгнул при этих словах:

– Как вы сказали? “Троянец”? Хм... очень удачно!

Брайан прикусил язык, но было поздно.

– Надеюсь, это не настолько большой секрет, чтобы заставить вас сожалеть об откровенности, – продолжал Борис, от которого не ускользнуло его замешательство: – В нашем ведомстве для этого странного текста пытались подобрать удачный термин, но все варианты были или чересчур казарменными, или слишком по-оружейнички, – Борис рассмеялся: – А у нас в таких случаях предпочитают избегать импортной терминологии.

– Вы хотите сказать, что у вас тоже занимаются им?

Борис кивнул и, посмотрев внимательно Брайану в глаза, произнес:

– Я надеюсь, вы не станете меня разочаровывать, утверждая что не понимаете причин, по которым этот текст вызвал такой интерес в наших странах. В вашей, моей, в Китае... у всех серьезных игроков на политической арене.

Брайан никогда не задумывался над этим вопросом, но мгновенно сообразил, что здесь Борис прав. Пока он осознавал справедливость этих слов, а также все последствия, которые из них вытекали, агент ФСБ ввел его в курс дела. Феномен текста практически одновременно привлек к себе внимание спецслужб России и Китая – несмотря на то, что обе действовали самостоятельно, каждая из них имела представление о том, что находилось в фокусе интересов другой страны. И, естественно, обе держали руку на пульсе того, что происходило у их главного противника. Поэтому внимание, которое уделялось к исследованию троянца одной стороной, подстегивало интерес другой, а их действие, естественно, замечалось третьей...

– В общем, – сказал Борис, – очень быстро выяснилось, что ваши лучшие ученые из соответствующих областей науки оказались выхвачены из их обычных проектов и срочно загружены какой-то секретной работой. Россия и Китай тут же собрали собственные группы, которым пришлось намного сложнее из-за языкового барьера – однако все понимали, что игра стоит свеч. Быстро выяснилось, что текст действительно обладает странным эффектом. И тут вспомнили о Брайане. До этого времени ФСБ следило за вами из-за технологии форсайтов, которой вы удивили не только собственных политиков. Сейчас, когда каждый талантливый англоязычный лингвист ценится на вес золота, Брайан, находящийся в контрах с государством, представляет собой лакомый кусочек.

– И что же вы хотите от меня? – спросил Брайан. – Я не работаю на спецслужбы. И уж точно – на чужие страны.

– В том-то и дело, что не работаете! – с досадой негромко воскликнул Борис, разводя руки и задевая фигуры на доске. – Если бы мы не знали этого, мы бы давно обратились к вам с предложением...

– От которого нельзя отказаться, – с ехидной улыбкой досказал Брайан.

– Ну что вы, – улыбнулся Борис. – Вы воспринимаете нас уж слишком шаблонно... Зная вашу щепетильность, мы ждали удобного случая для того, чтобы помочь вам, предложив работать по теме этого... троянца. И при этом полностью на ваших условиях.

– Ну да, – кивнул Брайан. – А если бы случай долго не предоставлялся, вы бы ему помогли случиться, не так ли?

– Не стану отрицать, – наклонил голову Борис. – Вероятно, так бы и произошло. Однако события стали развиваться таким образом, что нам пришлось забыть о конспирации и раскрыть перед вами карты. Дело в том, что за вами охотятся китайцы. Вы – единственный из лингвистов страны, похищение которого может сойти им с рук, поскольку вы сами скрываетесь от государства. Поэтому, стоит им вас обнаружить, они вас тут же похитят. Поверьте мне, их методы убеждения лучше не упоминать здесь, в интеллигентной беседе. Если вы окажетесь в их власти, вам уже не поможет никто. Для них получить вас в свои руки – сверхзадача, решение которой приемлемо как в варианте вашего насильственного принуждения к сотрудничеству, так и в виде физического устранения. Потому что, пока вы свободны, вы можете – пусть и потенциально – найти общий язык со своим правительством. И помочь ему в работе над троянцем. Это Китаю ни к чему.

– А к чему это вам? Я имею в виду – помочь мне? Ведь Китай вам ближе, чем мы, – спросил Брайан.

– К нам ближе только мы сами, – отрезал Борис. – Мы не хотим давать Китаю преимущество перед нами не в меньшей, а может быть даже, в большей степени, чем вашей стране. Он слишком похож на нас, не говоря уже о том, что он – наш сосед. Вы же знаете, что страны-соседи никогда не будут подлинными союзниками. Если вас не получит Китай, это будет минимальная польза от вашего спасения. Если вы не забудете то, что в этом вам помогли мы – это будет еще лучше. И для нас, и для вас. Об этом, как я сказал в самом начале, мы с вами обязательно поговорим... но не сейчас. Сейчас я вас прошу только об одном – обдумайте то, что вы услышали, постарайтесь не совершать долгих прогулок в одиночку, подобно вчерашней, и... давайте продолжим нашу беседу, скажем, через пару часов, когда вы свыкнитесь со своей ролью. А до этого времени я вас оставляю.

Он допил кофе и поднялся из-за столика.

– Вы – умный человек, вы услышали достаточно, чтобы обдумать все самостоятельно. Я уверен, что наш разговор не последний. Мне было приятно с вами познакомиться. Главное – помните, что на мою помощь вы всегда можете рассчитывать.

Он посмотрел сверху на беспорядочно рассыпанные фигуры на доске. Брайан проследил за его взглядом, и тут вдруг обнаружил, что все фигуры состояли из пешек, среди которых возвышались два короля.

– Хоть я и русский, но не люблю шахматы, – сказал задумчиво Борис. – Иначе наверняка сказал бы вам какую-нибудь банальность... вроде того, что пешка, стоящая на краю доски, может стать ферзем или выйти из игры. Но это не моя игра... Интересно, откуда вообще взялся этот стереотип?

Брайан нашел в себе силы усмехнуться, хотя напряжение, появившееся у него в середине беседы, когда он обронил термин “троянец”, все еще не покидало его.

– А во что играют русские? – спросил он.

Борис уже задвигал стул, собираясь уйти. Обернувшись к нему, он ответил, выделяя некоторые слова неожиданной интонацией:

– Кто во что... сильные и умные играют во власть. Слабые *играют картами*. Глупые – в *лотерею*.

И, вежливо попрощавшись, Борис удалился к себе в номер. Перед Брайаном осталась лежать шахматная доска с засаленными лакированными пешками и двумя деревянными королями, у одного из которых отсутствовала половина короны.

После ухода Бориса он быстро успокоился. Видимо, это сказалась привычка, сложившаяся у него за время вынужденных скитаний – в одиночестве он увереннее ощущал собственную безопасность. Кроме того, наконец-то он мог сосредоточиться и обмозговать все, что на него свалилось. Надо было думать над тем, как вести себя в создавшейся ситуации, решать, что делать сейчас, пересматривать планы на ближайшее будущее... Однако вместо этого у него в голове почему-то висел совершенно неуместный вопрос: “А все-таки интересно – какие игры любят русские? Ну, кроме лотереи...” Он достал телефон и вбил в поиск вопрос. Через мгновение его праздное любопытство было полностью удовлетворено: “Русская популярная карточная игра: подкидной дурак”.

Понимая, что за ним продолжают наблюдать, Брайан задержался у столика еще несколько минут, любуясь тем, как наступающая вечерняя свежесть прореживает аллеи патио, загоняя отдыхающих под увитые плющом стены ресторана. Затем он неспешно выбрался из кресла и прогулочным шагом направился в холл, где попросил хозяйку принести ему через полчаса ужин в номер. Сам же он вышел из пансионата и через десять минут добрался до магазина, в котором приобрел пару безделушек для обустройства домашнего уюта – аляповатую вешалку для шляп и уродливую настольную лампу. После чего в таком же темпе вернулся к себе в номер, где, бросив покупки валяться у входа, принялся за обстоятельную трапезу.

Пожинав, он включил ноутбук и отправил письма Стиану и Тэду. В них он, не вдаваясь в лишние детали, изложил то, что ему стало известно: Россия и Китай активно включились в гонку и не остановятся ни перед чем. Брайан попросил каждого из своих респондентов: во-первых, иметь в виду этот фактор, во-вторых, по возможности уведомить своих кураторов.

Отправив почту, он снова спустился в ресторан, выпил горячего чая и, проходя через холл, позвонил со своего телефона, сделав заказ на такси – через три часа, прямо к крыльцу пансионата. Затем зашел в номер и прилег на кушетку, размышляя – не переборщил ли он с ролью флегматичного гуманитария, образ которого он сейчас собирался использовать? Ну, так или нет, а проверить это можно лишь одним способом. Подождем.

Через три часа Брайан подхватил рюкзак, в который уже успел поместить свой походной набор, неслышно выскользнул из комнаты и, не замеченный никем, по боковому коридору добрался до прачечной, находившейся в задней части пансионата. Там он открыл окно и без труда выбрался наружу, спрыгнув на крышу склада, пристроенного к главному зданию. Быстрым шагом обойдя пансионат сзади, он свернул в переулок и занял позицию под кроной дерева. Не прошло и пяти минут, как во двор пансионата въехало такси, остановилось перед крыльцом и стало ждать.

Брайан поднял голову к окнам Бориса – свет в его комнате был предусмотрительно выключен, однако было заметно, что уголок занавески на окне отодвинут в сторону. Брайан удовлетворенно кивнул, развернулся кругом и легким пружинистым шагом направился вдоль тропинки, едва различимой в сгущающихся сумерках, углубляясь в ближайший подлесок и распугивая ночное зверье шорохом задеваемого папоротника.

продолжение следует